

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 81-119

А.Е. Ярославцева**«МАНИФЕСТ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ «ПРАВОО ДЕЛО»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ ИНТЕРНЕТ-СМИ**

Представлены результаты анализа интерпретационных возможностей российских интернет-изданий. Исследуемый материал – публикации о программном документе политической партии «Правое дело» – «Манифесте». Описан один из главных интерпретационных механизмов в масс-медийном дискурсе – оценка. Выделены основные оценочные параметры в тексте «Манифеста»: форма изложения, логика изложения, проработанность материала, конструктивность предложений, оригинальность идей, идеологическая определенность. Выявлены наиболее частотные средства и приемы, служащие для выражения оценки: метафоризация, оценочная лексика, аллюзия, осмеяние. Результаты проведенного анализа позволили сделать вывод о стратегических и тактических целях СМИ в интерпретации текста «Манифеста».

Ключевые слова: партия, масс-медиа, интерпретация, оценка.

Ни одно крупное интернет-издание не обошло вниманием программный документ политической партии «Правое дело» – «Манифест. Версия 1.0», опубликованный в конце августа на сайте организации. На наш взгляд, тому есть несколько причин. Во-первых, документ такого рода, являющийся по сути идеологической и содержательной основой предвыборной программы политической партии, у которой появились серьезные политические амбиции, впервые был представлен на суд широкой общественности. Во-вторых, сама фигура лидера партии была нестандартной – политические амбиции впервые появились у совершенно нетипичного для российской политической среды человека – Михаила Прохорова, успешного бизнесмена, одного из богатейших людей планеты (согласно рейтингу *Forbes*, опубликованному в апреле 2011 г., его состояние оценивается в 18 млрд долларов США). В-третьих, он публично заявил о намерениях стать второй партией власти и войти в парламент. При этом, как отмечается на сайте «Правого дела», «...партия объединяет сторонников праволиберальной идеологии, приоритета прав человека, рыночной экономики и политической демократии» [1]. То есть того сегмента электората, чьи интересы в сегодняшней Думе не представлены. Причем благоприятный медийный фон вокруг «Правого дела» после появления в нем М. Прохорова был замечен всеми. А это о многом говорит. Именно эти факторы и повысили журналистский интерес к политобъединению и его политической платформе. Оценок было дано множество.

Обсуждение этого документа активно проходило и в блогосфере. Некоторые блогеры выступили со своими собственными альтернативными проектами манифеста. Так, например, блогер «gusanalit» составил поэтапную программу реформирования экономики России с конкретными требованиями и

процедурами их выполнения [2]. А портал «Мнения.ру» даже попытался выяснить у экспертного сообщества, насколько перспективными могут быть проекты альтернативных манифестов для «Правого дела» и как эти проекты должны выглядеть [3].

Поэтому несмотря на события, произошедшие в партии на сентябрьском съезде, и выход из партии М. Прохорова, нам представляется целесообразным проанализировать те интерпретационные доминанты, которые вызвал прецедентный и самый резонансный документ нынешней предвыборной кампании. В выборку вошли наиболее цитируемые российские интернет-СМИ. Объектом исследования стали аналитические статьи о «Манифесте» «Правого дела».

Функция интерпретации выделяется наряду с другими функциями СМИ. По данным словаря, интерпретация – 1) в широком смысле – истолкование, объяснение, перевод на более понятный язык; 2) истолкование произведения в определенной культурно-исторической ситуации его прочтения [4. С. 436]. «Каждый факт не существует сам по себе, а опирается на вводимую вместе с ним интерпретацию», – утверждает Г. Почепцов [5. С. 123]. В результате интерпретирования создается определенная картина политической реальности, которая транслируется на аудиторию СМИ, влияя в том числе и на ее электроальное поведение. Н. Клушина отмечает, что «...в новой системе стилистических координат текст рассматривается не просто как высший ярус языковой иерархии, но как целенаправленное социальное действие. Таким образом, именно интенциональные категории текста становятся текстообразующими» [6. С. 94].

Этим обусловлен выбор в качестве метода исследования интент-анализа. «Метод основан на переводе конкретного речевого материала в формулирование коммуникативных намерений. Поскольку коммуникация подчинена интересам осуществляющего ее субъекта, возможно произвести реконструкцию авторской интенции посредством изучения особенностей его речи (т.е. выявления принципов отбора и организации определенных языковых и внеязыковых средств, применяемых при написании текста)» [7. С. 98]. Фактически интент-анализ применяется для анализа текстов как продуктов дискурса. «Интенциональные направленности субъектов составляют его психологическую основу и во многом определяют, что именно и каким образом говорится/пишется, как протекает взаимодействие с аудиторией [8. С. 117]. В нашем случае интент-анализ будет направлен на выявление целей масс-медиа в интерпретации текста политического дискурса и способов их реализации.

В работе мы ориентируемся на дефиницию В. Чернявской, которая определяет дискурс как «текст в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и другими факторами, с системой прагматических и коммуникативных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обусловливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц» [9. С. 77]. В свою очередь, политический дискурс, по Н. Мироновой, – это «совокупность текстов, в которых отображается политическая и идеологическая практика государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху» [10. С. 57].

Одним из главных интерпретационных механизмов в масс-медийном дискурсе является *оценка*. По мнению В. Чернявской, «всякий выбор слова, номинации – уже субъективно-оценочный акт. Выбор слова не нейтрален по отношению к субъекту речи» [9. С. 13]. «Наличие эксплицитного, выраженного средствами языка, и имплицитного – скрытого, не выделенного в поверхностную структуру – является предпосылкой и источником неоднозначной вариативной интерпретации. Эффект речевого воздействия является, таким образом, результатом и следствием возможной вариативности языкового формулирования и соответственно интерпретации» [9. С. 14]. Оценочность проявляется «в отборе и классификации фактов и явлений действительности, в их описании под определенным углом зрения, в специфических лингвистических средствах» [11. С. 59]. Таким образом, читатель потребляет уже преобразованную информацию.

Оценка в тексте может быть выражена эксплицитно (напрямую, открыто) или имплицитно (косвенным образом, задействуя суггестивные механизмы восприятия). Различают общую оценку (хороший или плохой) и частные оценки. К их числу относят эстетическую (красивый – некрасивый), утилитарную (полезный – вредный), моральную (честный – бессовестный), интеллектуальную (умный – недалекий), нормативную (правильно – неправильно), идеологическую (коммунист – демократ), оценку опыта и профессиональной компетенции (новичок – профессионал). Все эти оценки, по мнению А. Чудинова, могут применяться при характеристике политического лидера, политического явления, идеи средствами массовой информации. Автор также выделяет еще один вид политической оценки: «оценка рейтинга и шансов на победу» [11. С. 64].

Проведенный анализ позволил определить круг основных параметров текста «Манифеста», оценке которых анализируемые медиа посвятили свои публикации, а также обобщить мнения СМИ. Данные параметры отчасти дополняют вышеуказанный перечень различных оценочных оснований в политическом дискурсе. Это формальные и содержательные характеристики «Манифеста»: *форма и логика его изложения, проработанность материала, конструктивность предложений, оригинальность идей, идеологическая определенность.*

Форма изложения

Большинство авторов посчитали форму «Манифеста» избыточной. В разделе «Политика» портала «Lenta.ru» приведена статья Владимира Цыбульского «Читай или проиграешь», где он, в частности, пишет: «Манифест представляет собой 28 страниц плохо структурированного текста» [12]. На интернет-сайте «Мнения.ру» размещено мнение Глеба Павловского, президента Фонда эффективной политики: «Текст манифеста «Правого дела» довольно плохой. Он как минимум в три раза длинней, чем надо» [13].

Логика изложения, проработанность материала, конструктивность предложений

Данным параметрам посвящено наибольшее количество мнений в СМИ. Многие авторы отмечают эклектичность, непродуманность программного документа. «Идеи манифеста сформулированы довольно расплывчато, – пишет газета «Коммерсант» [14]. «Независимая газета» продолжает мысль кол-

лег: «Возможно, именно спешкой можно объяснить непроработанность и неясность некоторых положений документа». [15]. «Газета.ру» цитирует заместителя гендиректора центра политических технологий Алексея Макаркина: «...не совсем ясно, как на практике может работать «добровольный призыв в армию». Идеи предложены, но не проработаны и выглядят сырыми» [16]. Обозреватель портала «Политвектор.ру» Игорь Кулагин пишет: «Совершенно фантастическим выглядит предложение «вернуть гражданство потомкам граждан Российской империи и СССР при условии сдачи ими экзаменов по русскому и истории» [17]. «Vedomosti.ru», «Newsru.com» отметили и отсутствие проработанного экономического блока: «...в манифесте очень мало экономических целей, а те, которые есть, часто связаны с государственной экспансией (индустриализация, стратегическое планирование и т.п.)»; «Экономика уступила место общедоступным общественно-политическим тезисам» [18; 19].

Таким образом, можно выделить основную претензию авторов к содержанию – недоработанность материала, несоответствие заявленному формату главного политического документа партии, который должен содержать четкие реалистичные предложения по каждой из сфер жизнедеятельности.

Идеологическая определенность

Столь важный фактор для партии, как ее политическое самоопределение, представители СМИ не могли оставить вне поля критики. Однако журналисты максимально устранились от комментирования данного параметра, предоставив эту возможность политологам. «Манифест партии «Правое дело», по мнению ряда политологов, абсолютно не отражает позиции правой партии», – пишет «Newsru.com», однако не уточняя этого «ряда» [19]. «Манифест и не претендует на то, чтобы считаться правым, – цитируют политолога Михаила Виноградова «Vedomosti.ru. – Это скорее литература, документ призван угодить популярным социальным мифам» [18]. «Lenta.ru» сообщает: «В манифесте сохранилась левая риторика. В целом он построен по принципу «и нашим, и вашим» [12]. «Это партия мечты российского западника, – оценивает Манифест по просьбе «Московских новостей» политолог Дмитрий Орешкин. – Но они менее мечтательны, чем западники XIX века или российские демократы 80–90-х годов XX века. Российское западничество всегда отличалось безбрежностью размаха и идеализацией всего европейского». По его мнению, соратники М. Прохорова более прагматичны – они разработали «подкорректированную, рационализированную версию западничества», отчасти ставшую результатом бизнес-опыта самого партийного лидера. Идеи и тезисы Манифеста близки не к горбачевской модели «свободы и гласности», а к «традиционной, функциональной сдержанной политике царской власти» [20].

Позитивные сдвиги в либеральной риторике также отмечает политолог Михаил Тульский на «Полит.ру»: «Манифест – заявка за создание обновленной либеральной идеологии. Прохоров показывает, что в России есть адекватные либералы»; «Манифест являет собой пример хорошего документа, вышедшего из-под пера либерала», – вторит ему политолог Павел Данилин [13]. «Документ силен попыткой создать новую гражданственность», – считает Вячеслав Данилов, редактор сайта «Liberty.ru» [17]. «Независимая газе-

та» цитирует экспертное мнение инсоровца Бориса Макаренко: «Там есть жесткая критика неэффективного государства. Есть прозападный вектор на интеграцию» [15].

Отметим, что приведенные мнения политологов в основном и составляют положительные отзывы о «Манифесте», которые в большинстве своем оценивают предложения «Правого дела» с точки зрения теоретической политологии. Позитивных журналистских оценок почти нет, что очень показательно.

Необходимо также отметить, что очень многие из анализируемых нами изданий процитировали Михаила Прохорова, сообщив, что «соседство условно правых и левых лозунгов он объясняет размытостью этих понятий: «Страна живет в стереотипах: «левый» или «правый». А во всем мире уже давно прошла конвергенция» [21, 22].

Оригинальность идей, изложенных в «Манифесте», интернет-СМИ оценили невысоко. По оценке портала «Мнения.ру», «...документ почти не содержит в себе сколько-нибудь оригинальных идей» [13]. А обозреватель «Lenta.ru» Владимир Цыбульский обозначает проблему шире, утверждая, что «...новых идей в манифесте «Правого дела» почти нет». В то же время, утверждает автор, «...все российские партии имеют в своем арсенале похожие программы...» [12]. Ту же мысль высказывают и «Ведомости»: «Что-то из этого манифеста легко представить в программе «Справедливой России», что-то – у единороссов, что-то – у ЛДПР» [18].

Анализ текстов интернет-СМИ о «Манифесте» «Правого дела» позволил выявить наиболее частотные оценочные средства и приемы разных уровней языка, в основном служащие для выражения прямой оценки, это метафоризация, оценочная лексика, аллюзия, осмеяние.

Метафоризация

Будучи эффективнейшим средством воздействия на интеллект и эмоции адресата, метафоры в политическом дискурсе имеют ценность не сами по себе, как средство оживления материала, а прежде всего с точки зрения оценочного эффекта, который они производят. «Lenta.ru» пишет: «Правое дело» в спешке представило манифест – полуфабрикат своей предвыборной программы» [12]. С помощью метафоры автор подчеркивает недоработанность документа: словарное значение слова «полуфабрикат» – продукт, который должен пройти несколько стадий обработки, чтобы стать готовым изделием» [4. С. 945].

Портал «Полит.ру» приводит мнение адвоката Дмитрия Аграновского: «Эксплуатируя идеи, политические силы России действуют как игроки на обычном рынке – отвечают ожиданиям покупателей. В данном случае избирателей. Сегодня заказчик, он же избиратель, хочет одного, и они призывают именно к этому. А завтра ситуация изменится, будут призывать к другому, прямо противоположному. «Правое дело», как партия бизнесменов, в этом плане очень показательна. Если народ «покупает» левые идеи, то почему их не продавать?» [23]. Данное высказывание также эксплицирует метафорическое сравнение процесса выборов с ситуацией купли-продажи товаров и ориентацией продавцов-кандидатов на сбыт более популярных.

«...Прозвучавшие накануне появления документа заявления Прохорова не оставляют сомнений, что «Единая Россия» не вызывает у «Правого дела» идиосинкразии. А ведь ЕР – естественный политический конкурент ПД» («Независимая газета»). «Идиосинкразия» трактуется как «повышенная чувствительность к определенным веществам, аллергия. Возникает после первого контакта с раздражителем» [4. С. 418]. Таким образом автор подчеркивает лояльную позицию «Правого дела» по отношению к партии власти.

Использование экспрессивной и стилистически окрашенной лексики

По признаку оценочности лексику условно разделяют на позитивно оценочную, негативно оценочную (по различному основанию оценки – положительной или отрицательной) и вариативно оценочную. Приобретение подобной лексической единицей той или иной оценочной коннотации – результат употребления слова в определенном контексте. Пример: «Правое дело» возглавил миллиардер Михаил Прохоров» [19]. Стилистически нейтральная лексическая единица «миллиардер» несет в себе отрицательную коннотацию, поскольку таков результат ее употребления в социальном контексте. Миллиардер в сознании российского обывателя – чаще всего человек, который нажил состояние не совсем честным трудом. И то, что издания часто приводят данную характеристику в статьях о «Манифесте» «Правого дела», говорит об их заинтересованности в объективной интерпретации читателем образа Михаила Прохорова.

Негативно окрашенная лексика присутствует в статьях нескольких изданий. «Независимая газета» приводит цитату эксперта – главы Института проблем глобализации Михаила Делягина: «Прохорову сказали: дорогой друг, мы тебе 2 % *нарисуем*, а остальное – уж как-нибудь сам... Поэтому *в гробу он видел* всякие убеждения. Отсюда – эклектичность его программы. И *всеядность* политической позиции» [15]. Применение просторечного выражения «В гробу (я) видел (кого-нибудь)», означающего презрительное безразличие, слова «нарисуем», которое можно трактовать как определение результата голосования за партию некой силой, «всеядность» применительно к политической позиции (т.е. отсутствие идеологической определенности) усиливают прагматический эффект, заключающийся в подведении читателя к мысли о том, что в российской политике все предопределено заранее, вне зависимости от выборов и наличия или отсутствия у партий идеологий.

«Политвектор.ру» пишет: «Предлагается сократить государственный аппарат вдвое (!) Никакой оптимизации расходов и победы над коррупцией эти сокращения не принесут. Все, что они дают, – это *ублажение недалеких обывателей*, которые будут *злорадствовать* над уволенными *«чинушами»* [17]. Обилие разговорной лексики придает тексту экспрессивность, достигается эффект «снижения» серьезности политических заявлений.

«Lenta.ru» отмечает необоснованность политических заявлений: «...*вперемешку с размытыми* фразами (которые иногда занимают несколько абзацев кряду) «Правое дело» предлагает разрушить действующую вертикаль власти» [12]. Разговорное слово «вперемешку» (т.е. в смешанном виде, в беспорядке) призвано обратить на себя внимание, акцентировать отсутствие порядка в построении и изложении текста. Выражение «размытые фразы» (неясные, нечеткие по своему смыслу) призвано довершить эту картину.

«Это либеральный манифест мечтателя, фантаста, – говорит сопредседатель незарегистрированной партии «Парнас» Борис Немцов: основная проблема в том, что в его реализацию в нынешних условиях никто не верит» [18]. Применение слова «фантастика» («форма отображения жизни, при которой на основе реальных представлений создается несовместимая с ними («сверхъестественная», «чудесная» картина мира») [4. С. 1267] по отношению к реальной политической программе означает стремление нивелировать ее практическое значение.

Прием осмеяния

В толковом словаре «осмеять» трактуется как «подвергнуть насмешке, высмеять» [24. С. 474]. Осмеяние является весьма часто используемым в тексте СМИ приемом информационно-психологического воздействия на массовое сознание. Суть этого приема заключается в высмеивании как конкретных лиц, так и взглядов, идей, программ различных объединений. Используются все «смеховые» средства – от юмора до сарказма – чтобы свести на нет значимость того или иного мнения, идеи, доктрины, процесса, представить их несущественными, глупыми, смешными, нелепыми.

Отметим, что трактовки некоторых положений «Манифеста» как проявлений пафоса (приподнятого и восторженного состояния человеческого духа) можно отнести к подшучиванию над ними: «Свой манифест новые правые заканчивают нарочито пафосно. «Мы никогда не скажем о России «эта страна». Мы говорим о России «наша Родина» [12]. «Манифест состоит из пафосных лозунгов и слов. Разделы называются «Мы – партия похода против смерти», «Мы – партия здоровья и просвещения»...» [25].

Также попыткой осмеяния можно назвать сравнение текста «Манифеста» с письмом кота Матроскина из мультфильма «Простоквашино»: «...писали манифест совершенно разные люди, поскольку им он видится письмом кота Матроскина: «Живу я хорошо, то лапы ломит, то хвост отваливается» [22].

Как своеобразное средство оценки получает распространение ирония и ее крайнее выражение – стёб. Как отмечает А. Агеев, описывая изменения в языке конца XX столетия, «последние годы стали настоящим триумфом стёба («авторского ёрничества», издёвки). Стебают нынче все!» Стёб – это «стилевая манера, в которой высмеивается все и вся в лихом, разухабистом стиле» [26. С. 23].

Показательный пример – высказывание Глеба Павловского: «Текст явно писали разные люди для разных несовпадающих аудиторий. В литературе это называется буриме, когда один автор заканчивает, а другой продолжает... Предложение сделать Россию самой свободной в мире страной, честно говоря, не хочется даже критиковать. Для манифеста это просто невыносимо. Это очень просто проверить. Надо господину Прохорову встать в любой аудитории, хотя бы в собственном штабе, и читать манифест вслух. Желательно собрать при этом не тех, кто писал это, а машинисток, секретарей и технический персонал и посмотреть, на каком этапе они начнут хихикать, зевать и скучать. Я думаю, это произойдет со второй страницы, а там их больше двадцати» («Политвектор.ру»). Авторская издевка пронизывает весь контекст высказывания. Сравнение текста документа с игрой в буриме, а также утверждение о том, что со второй страницы машинистки начнут «хихикать, зевать

и скучать», дискредитирует его высокий статус и важность изложенных в нем идей.

В «Новой газете» опубликовано стихотворение Дмитрия Быкова «Ответ на манифест миллиардера Прохорова» в традиционной стёбной манере писателя: «Олигарх Михаил, возглавляющий «Правое дело», монолог разместил. Население долго шумело. В монологе его – лишь одно откровенье, по сути: что у нас большинство ни фига не работает, с...ки. ...На фига же мне труд, объясни ты мне это, касатик! Накопил – отберут, накопил капитально – посадят... Я такой манифест предлагаю для «Правого дела»: мы в такой полосе, что не надо ни песен, ни басен. Пусть работают все – с этим я совершенно согласен. Весь трудящийся класс будет вкалывать, как белошвейка, – но уже не при вас. Не в пространстве всеобщего фейка. Хоть при общей нужде, хоть при двадцатидневной неделе – не при этом вожде, не при этом подправленном деле, не в пространстве ловчил, не в засилии «нового класса»... И чтоб нас не учил тот, кто сам не работал ни часа» [27]. Писатель несколькими штрихами выражает свое отношение и к российской политике как к «пространству всеобщего фейка» (т.е. «подделки», ненастоящего), и конкретно к партии: «*Подправленное* дело» (т.е. партия, над которой поработали в имиджевом плане. Здесь применен прием языковой игры с однокоренными словами «правый» и «подправить»). Обилие стилистически маркированной лексики – разговорной, жаргонной – служит повышению экспрессивности произведения, а также более образному выражению авторской позиции. Специальное употребление сниженных слов («народного языка») в художественном произведении также привлекает читательское внимание, являясь своеобразным вызовом, эпатажем, эксплицирующим несогласие со status quo.

Прием аллюзии

Подразумевает воспроизведение прецедентных высказываний, имен, названий, ситуаций и пр. с целью актуализации определенных смыслов. Приведенный выше пример сравнения «манифеста» с письмом кота Матроскина также может быть отнесен к аллюзии, поскольку призван вызвать в сознании читателя совершенно определенные ассоциации.

В публикации портала «Lenta.ru» также видим прием аллюзии: «В манифесте «Правого дела» несколько раз употребляется слово индустриализация, от которого откровенно веет советским прошлым. «(Мы требуем) восстановления проектной деятельности, планирования и программирования целей страны на государственном уровне». Судя по этому заявлению, партия предпринимателей предлагает вернуть Госплан или его аналог» [12]. В данном случае аллюзия употреблена для того, чтобы подчеркнуть: предложение вполне укладывается в программу КПРФ, которая давно выступает с идеей «социалистической модернизации общества» и национализации всей промышленности, но никак не в манифест либерального «Правого дела», которое должно пугать возвращение в прошлое Страны советов с ее тотальным Госпланом.

«Московские новости» развили идею, озвученную в «Манифесте» относительно единого экономического европейского пространства: «Документ повторяет известную идею Де Голля о Европе от Лиссабона до Владивостока. При этом подряд идут два взаимоисключающих предложения: «Мы не долж-

ны вступать ни в ЕС, ни в НАТО. Нам необходима максимальная экономическая интеграция с Европой» [20]. Приведенная аллюзия – ссылка на исторический контекст: в начале своего правления, 23 ноября 1959 г. де Голль выступил со знаменитой речью о «Европе от Атлантики до Урала». В грядущем политическом союзе стран Европы президент видел альтернативу «англосаксонскому» НАТО (интеграция ЕЭС была связана тогда в основном с экономической стороной вопроса). В своей деятельности по созданию европейского единства он пошел на ряд компромиссов, определивших дальнейшее своеобразие внешней политики Франции до настоящего времени. В свою очередь, «Московские новости» сомневаются в успешности озвученной идеи, в отличие от Де Голля: «С похожей программой «12 шагов в Европу» Демократическая партия России в 2007 году набрала 0,13 % голосов».

В публикации РБК проведена параллель между идеей «Правого дела» о необходимости развития основ государства: «Есть в манифесте выдержки из философских учений Томаса Гоббса про навязывание обществу «войны всех против всех» [22] (понятие социальной теории Томаса Гоббса, описывающее естественное состояние общества до заключения «общественного договора» и образования государства). Таким образом, актуализируются симпатии Гоббса (а вслед за ним – и «Правого дела») к передовой государственности, функционирующей в соответствии со строжайшей законностью.

Резюмируя, отметим, что по характеру оценка бывает аргументированной и неаргументированной. «Современный политический дискурс в России преимущественно является дискурсом не внушающего, а убеждающего характера. Поэтому в российских политических текстах последних лет заметно преобладают аргументированные оценки», – отмечает А. Чудинов [10. С. 65].

Тем не менее по итогам проведенного анализа выяснилось, что некоторые издания допускают бездоказательные суждения. В основном это касается обобщения мнений экспертного сообщества о том, что «Манифест» подвергся тотальной критике. Так, например, на портале «Политвектор.ру» приведено мнение обозревателя Игоря Кулагина: «Учитывая крайне скептический настрой нашего общества, неудивительно, что всего за пару дней этот манифест раскритиковали все, кто только может. Впрочем, нельзя сказать, что это было незаслуженно. Манифест представляет собой довольно обычный набор популистских лозунгов в стиле «мы против всего плохого и за все хорошее» [17]. Очевидно, что утверждения типа «раскритиковали все, кто только может» предполагают цитаты или ссылки на авторов, в противном случае это не истинное суждение. То же относится и к тексту «РБК daily»: «...Манифест еще только начали читать, но у документа немало критиков» [22]. Далее приведено единственное мнение политолога Алексея Макаркина. Тот же подход и у «Ведомостей»: «Программные установки обновленной праволиберальной партии кажутся экспертам не особенно правыми и недостаточно либеральными, зато левопопулистскими и вообще эклектичными» [18]. Ни одного мнения не приведено.

Как видим, стратегическая цель в интерпретации текста «Манифеста» у всех масс-медиа одина – ориентация читателя в системе политических координат и соотнесение с этими координатами самого «Манифеста» как определенного политического феномена. Ключевым способом реализации этой цели

является оценка, которая представляет собой имманентное свойство текстов СМИ, «подсказывая» общественности или открыто представляя ей шаблоны мнений посредством разнообразнейших приемов, которые способствуют реализации тактических целей – дискредитации партии в глазах избирателя, ее конструктивной критике, восхвалении и т.д. В нашем случае можно говорить о частотности второй тактической цели (конструктивная критика), однако отметим, что некоторые выявленные методы оценки (осмеяние, использование стилистически сниженной лексики) ведут к реализации цели дискредитации партии. Выявить СМИ, целью которых была бы исключительно стратегия «на уничтожение», не удалось. Вероятно, это связано с тем, что на момент публикации «Манифеста» партия «Правое дело» считалась созданной не без участия Кремля, что, конечно, вызывало критику, но и обеспечивало ей определенное «прикрытие». Поэтому говорить о политической ангажированности изданий сложно.

В целом можно сделать вывод, что большое количество публикаций интернет-СМИ о появлении «Манифеста» «Правого дела» было следствием восприятия его как серьезного политического документа, своего рода претензии на участие обновленной партии в политической борьбе за голоса избирателей и места в парламенте России. По этой же причине критика документа была полноценной, однако же можно отметить и некоторые факторы, которые способствовали смягчению критики в отношении составителей «Манифеста»: «они – новички», «отсутствием времени объясняется несколько необычных моментов».

Отметим также, что критических высказываний о «Манифесте» со знаком «минус» было выявлено кратно больше, чем со знаком «плюс» (пропорция примерно 70/30). Отчасти это связано с ярлыком «кремлевский проект», который получила партия, и следствием этого факта – размытостью программы, ее построением по принципу «и нашим, и вашим», «недоопозиционностью». Хотя и в этом случае издания находят этому объяснения: российская реальность такова, что иной путь, не через Кремль, партстроительству перекрыт [15]. Некоторые авторы исходят из общеполитических тенденций в объяснении «срачивания» идеологий: «...мы стоим на пороге очень важных – возможно, тектонических – сдвигов в сознании элит. Происходит их поляризация. Что неизбежно будет сопровождаться выходом на поверхность новых идеологий, новых концепций развития и новых людей – носителей этих идеологий и концепций. Которые не будут вписываться в привычные системы координат: либералы/консерваторы, левые/правые и т.д.» [18].

Подобные попытки найти объяснения недостаткам и спорным моментам программного документа правых, на наш взгляд, можно расценивать как аванс, обозначающий некие прагматические (и все-таки позитивные) ожидания аудитории относительно дальнейших действий партии. А также объективным пониманием специфичности российского политического дискурса.

Что касается частотных способов выражения оценки, выявленных в ходе анализа, отметим, что именно им принадлежат наибольшие интерпретационные возможности СМИ. В этом качестве дискурс СМИ отражает определенные структуры знания и оценок мира, ориентирующих адресата на определенное осмысление действительности и, главное, на последующие действия.

Литература

1. *О партии* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravoedelo.ru/party/about>. Загл. с экрана.
2. *Блоггеры* против политтехнологов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusanalit.livejournal.com/1216595.html>. Загл. с экрана.
3. *Строкольский К.* Альтернативные манифесты «Правого дела» // «Мнения.ру», 31.08.2011.
4. *Новый* энциклопедический словарь. М., 2006. 1456 с.
5. *Почепцов Г.Г.* Информация & дезинформация. Киев, 2001. 256 с.
6. *Клушина Н.И.* Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе: сб. ст. / под ред. Г.Я. Солганика. М., 2000. С. 94–106.
7. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997. 400 с.
8. *Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учеб. пособие. М., 2003. С. 116–133.
9. *Дискурс* власти и власть дискурса: учеб. пособие / под ред. В.Е. Чернявской. М., 2006. 136 с.
10. *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика: учеб. пособие. М., 2006. 256 с.
11. *Миронова Н.Н.* Дискурс-анализ оценочной семантики. М., 1997. 158 с.
12. *Цыбульский В.* Читай или проиграешь // Lenta.ru. 2011. 29 авг.
13. *Обсуждение «Манифеста»* // Мнения.ру. 2011. 29 авг.
14. *«Правое дело»* не собирается править // Коммерсантъ. 2011. 29 авг.
15. *Суперконструктивная оппозиция.* «Единая Россия» не вызывает у «Правого дела» идиосинкразии // Независимая газета. 2011. 29 авг.
16. *Нам кое-что* пока можно на словах // Газета.ру. 2011. 26 авг.
17. *Кулагин И.* Манифест «Правого дела» // Политвектор.ру. 2011. 30 авг.
18. *Таратута Ю.* Манифест Михаила Прохорова не похож на манифест правой партии // Vedomosti.ru. 2011. 29 авг.
19. *Манифест* Прохорова разочаровал экспертов // Newsru.com. 2011. 29 авг.
20. *Гусева Д.* Правый манифест // Московские новости. 2011. 28 авг.
21. *Михаил* Прохоров: «Женщины в возрасте хотят, чтобы их внуки были такими, как я!» // Московский комсомолец. 2011. 28 авг.
22. *Прохоров* пошел против смерти // РБК daily. 2011. 29 авг.
23. *Манифест* стал голосом российских либералов // Полиг.ру. 2011. 26 авг.
24. *Ожегова С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. 960 с.
25. *Рубин М.* «Правое дело» опубликовало сырой манифест // Известия. 2011. 26 авг.
26. *Агеев А.* Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. 214 с.
27. *Быков Д.* Ответ на манифест миллиардера // Новая газета. 2011. 1 авг.